

АЛЕКСЕЙ ЧЕРНЯВСКИЙ

ТОНКИЙ ЛЁД

18+

Алексей Чернявский

Тонкий лёд

<https://litres.ru/74685089>

SelfPub; 2026

Аннотация

Они не должны были делить один лёд. Алина — одиночница с разбитыми мечтами и паническим страхом прыжков после тяжелейшей травмы. Марк — капитан университетской хоккейной команды, рискующий потерять драфт в КХЛ из-за взрывного нрава и технического брака. Тайный ночной договор должен был спасти их карьеры: она учит его реберному скольжению и самоконтролю, он выбивает из нее страх падений. Но когда лёд между ними начинает таять, на кон встают не только спортивные победы, но и их сердца.

Содержание

Глава 1. Чужой лёд	4
Глава 2. Штрафные минуты	20
Глава 3. Зона столкновения	37
Глава 4. Ночной пакт	54
Глава 5. Физика падения	70
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Алексей Чернявский

Тонкий лёд

Глава 1. Чужой лёд

В пять часов утра ледовый дворец спортивного университета не просто спал — он был погружен в глухой, замороженный анабиоз.

Ни скрипа трибунных кресел, ни пронзительных трелей судейских свистков, ни бодрых маршей из репродукторов. Только низкий, монотонный, вибрирующий в самых ребрах гул аммиачных холодильных установок глубоко под бетонным основанием чаши да влажный, плотный мороз, мгновенно осевавший на ресницах тончайшей белой пудрой.

Воздух здесь обладал собственным вкусом. Он пах резким техническим озоном, свежесрезанной ледяной стружкой, сырым железом ограждений и въевшимся в стены запахом застарелого растворимого кофе из сломанного автомата у служебного входа. Это был запах одиночества, помноженного на износ.

Алина Воронова стояла у короткого борта малой арены, намертво вцепившись пальцами в облупившийся белый пластик. Перчатки из плотного шерстяного трикотажа защищали плохо: колючий холод перил медленно, методично про-

бирался сквозь ткань, превращая кончики пальцев в неподвижные деревянные бруски. Но Алина не двигалась. Она гипнотизировала центральный круг площадки.

Полотно было безупречным. Редкое, драгоценное зрелище для студенческого комплекса. Заливочный комбайн «Замбони» закончил работу ровно двадцать минут назад. Машина уползла в свой темный технический бокс за сушилками, оставив после себя идеальное, зеркальное, еще не застывшее до звона водное стекло, которое на глазах затягивалось тончайшей матовой пленкой. Ни единой насечки от зубца. Ни одного следа от чужого лезвия. Никаких хаотичных бороздок от резких хоккейных торможений, превращавших поверхность в рыхлую снежную кашу.

Этот чистый лист бумаги длиной шестьдесят метров принадлежал ей. По крайней мере, должен был принадлежать в ближайший час.

Алина сделала глубокий, медленный вдох через нос.

Мороз обжег носоглотку, опустился в бронхи ледяной иглой и привычным, тупым спазмом отозвался в правом голенистопопе. Это была чисто психологическая реакция — фантомная память разорванных волокон. Прошел ровно год и два месяца. Лучшие спортивные хирурги института Вредена собрали ее связки буквально по микронам, зафиксировав титановыми микроанкерами. Медицинская карта пестрела оптимистичными синими печатями: *«Ткани регенерированы в полном объеме. Нестабильность сустава отсут-*

ствует. Допуск к тренировочным нагрузкам высшей категории подтвержден».

Врачи умели читать снимки МРТ в трех проекциях, но понятия не имели о том, как устроена память живого тела.

Снимки не фиксировали звук.

Сухой, мерзкий, маслянистый щелчок, похожий на звук сломанной под ногой сухой еловой ветки. Он прозвучал в воздухе над саранской ареной за долю секунды до того, как ее правый конек встретился со льдом после сорванного четверного сальхова. А затем навалилась боль — нестерпимая, ослепляющая, с привкусом медной монеты во рту и криком, застрявшим в горле.

С тех пор внутри Алины жил предохранитель.

Стоило ей набрать достаточный соревновательный ход и зайти на дугу прыжка выше двух оборотов, как мозг самовольно, без ее согласия, выбивал рубильник. Тело отказывалось терпеть центробежную перегрузку и спасительно, предательски раскрывалось прямо в полете, превращая полет в позорную «бабочку». *«Посттравматический блок проприоцепции»*, — аккуратно вывела университетский психолог в своем отчете. *«Трусость и отсутствие спортивного характера»*, — куда проще и жестче резюмировала старший тренер группы Елена Громова, после чего просто перестала подходить к борту во время прокатов Алины.

— Соберись, Воронова, — вслух прошептала Алина.

Голос прозвучал хрипло, слабо и тут же растворился в

громаде пустых, накрытых серым брезентом кресел трибун.

— Это не враг. Это просто замерзшая вода. Скорость, толчок, ось вращения, плотная группировка, выезд. Ты делала это миллион раз с пятилетнего возраста. Ты умеешь это делать.

Она поправила пояс тренировочных леггинсов, проверила натяжение жестких кожаных шнурков на белых ботинках «Риспорт» и мягко, бесшумно выкатилась на площадку через открытую калитку.

Лезвия из высокоуглеродистой стали со звонким, мелодичным шипением разрезали свежий лед.

Первые круги всегда были ритуалом очищения. Разминка была вбита в подкорку настолько глубоко, что мышцы выполняли ее вообще без участия сознания: широкие, стелющиеся по льду кораблики на наружных ребрах, длинные дуги назад, перетяжки, циркули, низкая ласточка, при которой кончики пальцев едва не касались белой глади. Скорость нарастала. Встречный ветер приятно охлаждал разгоряченные щеки, выбивая тяжелые пряди каштановых волос из тугого пучка на затылке.

Коньки пели. Они звучали как лезвия старинных ножниц, разрезающих дорогой, плотный шелк.

Она чувствовала баланс. Чувствовала, как работает колено опорной ноги, как мягко пружинит голеностоп. Тело просило полета. Оно тосковало по высоте.

Алина выкатилась на длинную диагональ, сделала два

мощных переступа и заложила глубокую, широкую дугу назад-наружу.

Тройной лутц.

Королевский прыжок. Самый сложный и самый бескомпромиссный элемент в ее арсенале. В лутце невозможно смухлевать, невозможно украсть у судей градусы вращения за счет ранней скрутки корпуса. Ты обязан держать внешнее ребро до последней миллисекунды перед ударом зубца, иначе прыжок сорвется в грязный флип.

Взгляд зафиксировал контрольную метку — темно-синюю рекламную наклейку у противоположного борта.

Левая нога упруго села в глубокий присед, корпус чуть наклонился внутрь дуги, удерживая центробежную силу. Руки отведены для широкого замаха. Секунда. Правая нога идет назад по четкой траектории, стальной зубец с силой вгрызается в ледяной монолит...

Толчок.

И в то же мгновение, когда лезвие оторвалось от поверхности, тишину в ее голове взорвал панический сиреной вой.

Правая лодыжка словно наткнулась на невидимую стену. Фантомный спазм парализовал икроножную мышцу. Мозг взревел: *«Назад! Упадешь! Разорвешь!»*

Руки судорожно, против ее воли, распахнулись в стороны, разрушая ось группировки еще на первом обороте. Тело разболталось в воздухе, как сломанная ветряная мельница. Вместо стремительного, монолитного вращения получилась

жалкая, уродливая бабочка.

Гравитация ошибок не прощала никогда.

Алина не успела выставить опорную ногу для амортизации. Правый конек встретил лед не ребром, а плашмя, лезвие со скрежетом сорвалось в сторону, и девушку со всего размаха швырнуло на правый бок.

Удар.

Тяжелый, глухой толчок вышиб из легких весь воздух. Правое бедро обожгло острой болью, локоть болезненно врезался в замороженный бетон подо льдом. По инерции Алина проскользила на боку добрых шесть метров, оставляя за собой широкую борозду содранной ледяной крошки, пока не затормозила у ограждения судейской зоны.

Она осталась лежать на льду, уставившись невидящим взглядом в темные балки перекрытия потолка.

Грудь судорожно вздымалась, но вдохнуть полной грудью не получалось — от удара свело диафрагму. Боль в ушибленном бедре пульсировала тупыми, тяжелыми толчками, но эта физическая боль была ничем по сравнению с тем, что жгло изнутри.

Стыд. Липкий, ядовитый, уничтожающий стыд профессионала, который больше не контролирует собственный инструмент.

— Черт... черт, черт! — Алина со злостью ударила кулаком в перчатке по льду, выбивая мелкие брызги.

Она перевернулась на живот, подтянула колени к груди и с

трудом села, опираясь ладонью о борт. В глазах стояли злые, горячие слезы, которые она тут же яростно смахнула тыльной стороной запястья. Плакать на льду было табу. Плакать значило признать, что Громова была абсолютно права, когда перевела все свое внимание на тринадцатилетних юниорок, штамповавших четверные тулупы на чистом автоматизме юности.

Алина посмотрела на электронное табло над входом на трибуны.

Большие красные цифры показывали: **05:43**.

Ее персональное время, выбитое со скандалом через деканат факультета теории и методики, было оплачено строго до шести ноль-ноль. Семнадцать минут. Семнадцать драгоценных минут чистого льда, за которые она расписалась в журнале дежурного инженера комплекса под личную ответственность.

Она сделала попытку подняться, опираясь на здоровое левое колено, но в этот момент гулкую тишину арены разорвал оглушительный металлический лязг.

Тяжелая двустворчатая дверь со стороны мужских хоккейных раздевалок с грохотом распахнулась настежь, ударившись резиновым отбойником о стену.

В проход хлынул яркий свет служебного коридора, а вместе с ним — громкий, развязный мужской гогот, треск композитных клюшек, задевающих дверной косяк, и тяжелая, неторопливая поступь людей, привыкших чувствовать се-

бя полноправными хозяевами любого пространства, куда бы они ни вошли.

На пороге арены показались первые силуэты в черно-красной экипировке «Северных Грифонов».

Их утренняя раскатка должна была начаться только через четверть часа. Но хоккеистам было глубоко плевать на график фигуристов.

Алина поднялась на ноги одним плавным, выверенным движением, не позволив себе опереться о борт даже кончиками пальцев.

В фигурном катании существовало негласное правило, вбиваемое тренерами с первого года в спортшколе: зритель, судья и соперник никогда не должны видеть твою слабость. Если ты упал — ты встаешь с улыбкой балерины, будто это падение было частью хореографического замысла. Правое бедро взорвалось глухой, пульсирующей болью, мышцы светло судорогой, но спина Алины осталась безупречно прямой. Ни тени гримасы. Ни единого жеста, выдающего ушиб.

Она неторопливо стряхнула ледяную крошку с черной ткани тренировочных леггинсов и повернулась к широкому проходу.

В холл арены вваливалась основа «Северных Грифонов» — главная спортивная гордость университета, команда, чьи матчи собирали полные трибуны, а игроки смотрели на остальных студентов со снисходительной высоты небожителей.

Они шли шумно, размашисто, занимая собой все пространство коридора. От парней пахло едкой разогревающей мазью с камфорой, влажной шерстью тренировочных свитеров, крепким кофе и той особой, пьянящей самоуверенностью, которая вырабатывается у крепких парней, привыкших на полной скорости впечатывать соперников в заградительный плексиглас. Впереди катили тяжелые баулы на колесиках, за плечами звенели чехлы с запасными клюшками, а по резиновому настилу гулко стучали пластиковые сланцы и кроссовки.

Возглавлял шествие семнадцатый номер.

Капитан «Грифонов» Марк Северов.

Его лицо знала каждая первокурсница академии: огромный двухметровый баннер с его портретом висел прямо над центральным входом в учебный корпус. «Сила. Характер. Победа», — гласила надпись под его фамилией. Скауты шептались о скором драфте в первый эшелон Континентальной лиги, преподаватели прощали ему пропуски семинаров по биомеханике, а судьи студенческого чемпионата регулярно выписывали ему дисциплинарные штрафы за излишне жесткую, на грани фола, игру у бортов.

Северов шел в расстегнутой черной клубной ветровке, надетой прямо поверх компрессионного термобелья. Рукава были закатаны до локтей, обнажая мощные предплечья с темными венами и угол татуировки с хищным крылом грифона. Ростом под метр девяносто, с широким разворотом

плеч, тяжело посаженной челюстью и растрепанными, еще влажными после быстрого душа темными волосами, он производил впечатление человека, который не привык уступать дорогу кому бы то ни было.

Он держал свою композитную клюшку на плече, словно средневековый топор, и что-то вполголоса говорил идущему рядом защитнику. Но стоило ему переступить порог арены, как его взгляд мгновенно нашел Алину.

Серые, холодные, удивительно цепкие глаза. В них не было сонной утренней мути — Марк Северов сканировал пространство с точностью опытного хищника, оценивающего расстановку сил на чужом льду.

Он подошел к открытой калитке борта, небрежно оперся локтями о белый пластик и посмотрел на нее сверху вниз. На его губах играла ленивая, едва заметная полуулыбка, которая обычно доводила судей до белого каления.

— Эй, Снегурочка, — протянул он низким, с легкой утренней хрипотцой баритоном. — Ты там гнездо свила, что ли? Подъем, лед освобождаем. Нам кататься надо.

За его спиной хоккеисты остановились, бросая сумки на пол, и с нескрываемым любопытством уставились на лед. По коридору прокатился сдавленный смешок.

Внутри у Алины все похолодело, а затем вспыхнуло яростным, обжигающим огнем. Боль в ушибленном бедре мгновенно отступила на второй план, вытесненная волной чистой, концентрированной злости. Она медленно, подчеркну-

то плавно скользнула к калитке, затормозив лезвием точно в полуметре от начищенных кроссовок Северова. Ледяная крошка брызнула на черный пластик борта.

— Во-первых, Северов, у меня есть имя, — отчеканила она, глядя ему прямо в переносицу и не моргая. Голос звучал звонко, чисто, разрезая холодный воздух арены, как скальпель. — Во-вторых, научись пользоваться базовым циферблатом. Моя бронь льда оформлена через спортивную кафедру строго до шести ноль-ноль. Сейчас без четырнадцати шесть. Твое время еще даже не наступило.

Марк даже бровью не повел. Его ленивая улыбка стала лишь чуть шире, но взгляд остался предельно внимательным, цепко фиксируя каждую деталь: частое дыхание девушки, бледность лица и то, как она едва заметно берегла правую ногу, стараясь не переносить на нее полный вес тела.

— Арифметика простая, птичка, — он переложил клюшку в одну руку, а второй оперся о бортик, наклоняясь к ней чуть ближе. От него пахло морозным ветром, горьким грейпфрутом и ментолом. — На втором тренировочном катке полетел компрессор. Лед поплыл еще ночью. Деканат сдвинул наше тактическое занятие на двадцать минут раньше, чтобы успеть до большой заливки. Распоряжение замдекана лежит на вахте у дежурного. Так что собирай чехлы, Воронова. Не задерживай команду.

— Распоряжение замдекана меня не касается, пока дежурный лично не внесет изменения в журнал выходов, — па-

рировала Алина, скрестив руки на груди. Тонкая ткань лонгслива натянулась, подчеркивая ее тонкую, но гибкую и стальную фигуру. — У меня расписана каждая минута до открытых прокатов. И делиться своим льдом с людьми, которые не умеют держать расписание, я не собираюсь.

Сзади Северова протиснулся Кузьмин — крайний нападающий с вечно вздернутым носом.

— Слышь, Марк, да чего ты с ней церемонишься? — хотнул он, ставя баул прямо в створ калитки. — Пусть на трибунах растяжку делает. Все равно толку ноль — мы зашли, она на льду плашмя лежала, звезды считала.

Несколько игроков поддержали его коротким гоготом.

Алина почувствовала, как кровь прилила к щекам, но взгляд ее не дрогнул. Она медленно перевела глаза с Кузьмина на капитана.

— Очень остроумно, — холодно произнесла она, глядя прямо в серые зрачки Марка. — Говорят, нападающим в первом звене нужен хоть какой-то интеллект, чтобы читать игру и предвидеть чужие действия. Но ваша тактика, судя по всему, исчерпывается умением толкаться в дверях. Если вы играете в большинстве так же прямолинейно, как шутите, неудивительно, что политех возил вас по углам весь прошлый тур.

Смех за спиной Северова мгновенно оборвался. Воздух в коридоре сгустился до предела.

Кузьмин дернулся вперед, насупившись:

— Ты кого там возить собралась, мелочь?..

— Кузя. Назад, — коротко, не оборачиваясь, бросил Марк.

В его голосе не было крика, но прозвучал такой плотный, стальной холод, что нападающий мгновенно захлопнул рот и отступил на полшага.

Марк медленно опустил клюшку на резиновый настил, выпрямился во весь свой немалый рост и впервые за все это время посмотрел не на лицо Алины, а вниз — на ледовое полотно за ее спиной.

Его взгляд скользнул по широкой, шестиметровой борозде, оставленной ее леггинсами при падении. Затем переместился к точке захода на прыжок — глубокому серповидному следу от конька на наружном ребре и рваной воронке от зубца.

Ленивая полуулыбка окончательно исчезла с его лица. Скулы напряглись, а в глазах появилось выражение глубокого, почти профессионального анализа. Он изучал геометрию льда так, как гроссмейстер изучает партию после грубой позиционной ошибки противника.

— Тройной лутц, — негромко произнес Марк. В его голосе не осталось ни капли издевки — только сухая, хирургическая констатация фактов. — Заход по пологой траектории, скорость приличная. Но корпус... ты заваливаешь левое плечо внутрь круга еще до удара зубцом.

Алина оцепенела. Сердце пропустило глухой, тяжелый

удар.

— Что?.. — сорвалось с ее губ прежде, чем она успела включить внутренний фильтр.

— Ты боишься толчка больной ногой, — Марк перевел взгляд обратно на ее лицо, и в его серых глазах мелькнуло странное, жесткое понимание. — Пытаешься компенсировать высоту ранним махом плеч. Корпус уходит вперед, ось скрутки ломается, и центробежная сила просто срывает тебя с траектории еще до того, как ты успеваешь сгруппироваться. Отсюда и бабочка. И этот позорный тормозной путь на бедре.

Алина стояла не шевелясь. Морозный воздух вокруг нее словно превратился в стекло.

Этот парень — грубый, самоуверенный хоккеист, который, как она искренне считала, способен лишь размахивать кулаками и ломать клюшки об борта, — за две секунды беглого взгляда на следы полозьев разложил сложнейшую кинематическую ошибку, над которой она безуспешно билась последние три недели.

— Не твое собачье дело, Северов, — выдавила она через силу. Слова прозвучали сухо, но привычная броня высокомерия дала глубокую, непоправимую трещину.

— Конечно, не мое, — легко согласился Марк.

Он не стал развивать тему. Он не стал добивать ее насмешкой, хотя любой другой на его месте не упустил бы шанса окончательно размазать соперника. Вместо этого он мол-

ча повернулся к застывшей в проходе команде:

— Баулы на дальнюю скамейку. Растяжка на резине у судейского борта. Разминаем пах и плечевой пояс. На лед без свистка никто не выходит.

— Марк, у нас раскатка горит! — попытался возразить второй вратарь.

— Я сказал: разминка на полу, — отрезал капитан, даже не повысив голос, но спорить с ним больше никто не посмел.

Команда молча потянулась вдоль трибун, гремя экипировкой.

Марк снова повернулся к Алине. Он достал из кармана секундомер на шнурке, нажал на кнопку сброса и посмотрел на нее с тем же спокойным, тяжелым вниманием:

— У тебя ровно двенадцать минут, Воронова. Мы начнем разминаться у бортов на полу. Мешать тебе никто не будет. Но ровно в шесть ноль-ноль я лично закрою эту калитку. Время пошло.

Он развернулся и пошел к скамейке запасных, оставив створку открытой.

Алина осталась стоять на льду.

Ее колотила мелкая, злая дрожь. Бедро горело огнем, в легких не хватало воздуха, а в ушах все еще звенел его низкий, спокойный голос: *«Ты боишься толчка больной ногой. Ось скрутки ломается»*.

Она стиснула зубы так, что заболели челюсти. Развернулась на коньках, выехала в центр площадки и с силой оттолкну-

нулась ото льда.

Она не уйдет раньше времени. Она не покажет ему, что его слова попали точно в нерв.

Она будет кататься каждую из этих двенадцати минут — даже если этот лед раскрошится под ее лезвиями в ледяную пыль.

Глава 2. Штрафные минуты

В шесть часов утра ровно автоматический звуковой сигнал малой арены прорезал морозный воздух сухим, зудящим гудком.

Алина не стала дожидаться, пока Северов или кто-то из его игроков сделает шаг к калитке. Она затормозила у выхода точно в секунду сирены, защелкнула жесткие пластиковые чехлы на лезвиях и сошла со льда на черную резиновую дорожку. Мимо нее, тяжело ступая пластиковыми щитками и обдавая запахом камфорной мази, потянулись хоккеисты. Никто из них больше не смеялся. Марк шел последним, застегивая ремешок шлема. Проходя мимо, он даже не повернул головы в ее сторону, но Алина физически ощутила, как его серые глаза на долю секунды зафиксировали ее силуэт — напряженный, подчеркнуто прямой, сжатый в пружину.

В женской раздевалке фигуристов царила промозглая сырость.

Здесь пахло сушеными апельсиновыми корками, которые кто-то из девочек раскладывал по шкафчикам от моли, лаком для волос сильной фиксации и влажной кожей сотен коньков, сохнувших на металлических решетках.

Алина опустилась на жесткую скамью, не зажигая верхний свет — хватало серого утреннего сумрака, пробивавшегося сквозь узкие окна под самым потолком. Пальцы одере-

венели настолько, что шнурки «Риспортов» поддавались с трудом. Когда она наконец стянула плотный кожаный ботинок с правой ноги, из горла вырвался невольный, сдавленный вздох. Лодыжка слегка отекала над верхним краем анатомического носка, а вдоль бедра — там, где пришелся удар о лед после бабочки на лутце, — уже наливалась тяжелая, багровая гематома размером с чайное блюдце.

Боль была тупой, ноющей, поднимавшейся от тазобедренного сустава к пояснице. Алина достала из сумки тубик охлаждающего геля, выдавила щедрую порцию на ладонь и сквозь зубы втерла ментоловую мазь в горящую кожу.

Холод геля смешался с внутренним жаром ушиба.

Она знала: через два часа эта гематома потемнеет до чернил. Но хромать было нельзя. Ни на один миллиметр. В коридорах спортивного университета хромота одиночника расценивалась как добровольное заявление об уходе на скамейку запасных.

Дверь раздевалки скрипнула, впуская сквозняк. На пороге стояла методист кафедры зимних видов спорта — сухопарая женщина в неизменном синем спортивном костюме с секундомером на груди:

— Воронова? Ты еще здесь? Громова требует тебя к себе. Немедленно. В кабинет на втором этаже.

Алина не подняла глаз от шнурков:

— Я переоденусь и поднимусь, Инна Сергеевна.

— Переоденешься потом. Она не в том настроении, чтобы

ждать, пока ты наведешь марафет, — отрезала методист и захлопнула дверь.

Кабинет старшего тренера отделения фигурного катания Елены Валерьевны Громовой располагался в самом конце административного крыла — там, где заканчивались шумные аудитории и начиналась зона абсолютной субординации.

Здесь пахло очень крепким, горьким эспрессо, лимонными дольками и влажной шерстью от оттаивавших на чугунной батарее тренировочных гетр. Обстановка кабинета напоминала музей спартанской дисциплины: узкий диван из потертого кожаменителя, два жестких стула для провинившихся студентов, шкафы с нормативными папками и массивный стол из мореного дуба, за которым вершились судьбы десятков юных спортсменов.

На стенах в строгих деревянных рамках висели вырезки из спортивной прессы за последние пятнадцать лет. На одной из центральных полос газеты «Советский спорт» трехлетней давности шестнадцатилетняя Алина Воронова стояла на высшей ступени пьедестала юниорского финала Гран-при: золотая медаль на тонкой девичьей шее, наивная, растерянная улыбка ребенка, не знающего цены взрослого спорта, и охапка белых роз, которая закрывала половину ее тела.

Тогда заголовки пестрели восторгами: *«Новая прима петербургской школы»*, *«Наследница традиций чистого реберного скольжения»*, *«Будущее взрослой сборной»*.

С тех пор прошло три года, но казалось, что эта фотогра-

фия принадлежала другой цивилизации.

Елена Валерьевна Громова сидела за столом, подперев подбородок сухой, унизированной серебряными кольцами рукой. Ей было слегка за пятьдесят, но безупречная балетная осанка, вбитая еще в хореографическом училище имени Вагановой, и привычка стягивать пепельные волосы в тугую, идеальный пучок на затылке делали ее похожей на натянутую стальную тетиву. Громова никогда не повышала голос. В профессиональном фигурном катании высшей лиги кричат только слабые — настоящую, сокрушительную власть демонстрируют ледяным, вежливым шепотом.

Перед ней лежал раскрытый журнал утреннего учета тренировочных часов. Тонкий графитовый карандаш в ее пальцах методично, с размеренностью метронома выстукивал дробь по полированной столешнице.

— Семь попыток за неделю, — не поднимая глаз от расчерченных страниц, произнесла Громова. Ее голос был тихим, сухим и абсолютно лишенным эмоций. — Тройной флип — приземление на две ноги с потерей каскада. Двойной аксель — постоянный степ-аут и касание льда свободной рукой. Тройной лутц... Сегодня утром — срыв маха, раскрытие группировки на полутора оборотах и падение на правый бок с выездом в судейский борт. Я где-то ошиблась в протоколе, Алина?

Алина сидела на краешке жесткого стула напротив, выпрямив спину до легкого хруста в позвонках. Руки лежали на

коленях, пальцы судорожно впивались в плотную ткань черных тренировочных брюк, стараясь скрыть дрожь в мышцах.

— Нет, Елена Валерьевна. Данные верны.

— Данные верны, — эхом повторила тренер и наконец подняла тяжелый взгляд.

Ее прозрачно-серые, блеклые глаза сканировали девушку с безжалостной четкостью рентгеновского аппарата. В этом взгляде не было злости — там была куда более страшная вещь: профессиональное равнодушие человека, который списывает отработанный материал.

— Твоя нога физически здорова, Воронова. Консилиум в ЦИТО три месяца назад дал стопроцентное заключение. Связочный аппарат стабилен. Титановые фиксаторы сидят мертво. Плотность костной ткани после полугода реабилитации в норме. Твои суставы держат перегрузку в пять g без малейшего риска рецидива.

— Я знаю заключения врачей, — сдавленно ответила Алина. Голос царапнул сухое горло. — Но на заходе...

— На заходе ты включаешь трусость, — перебила Громова, и карандаш в ее пальцах замер. — Ты ждешь хруста костей еще до того, как конек касается ледовой площадки. Ты не прыгаешь — ты спасаешь свою шкуру. А лед чувствует страх точнее любого оптического датчика.

Тренер медленно встала из-за стола, подошла к панорамному окну, выходявшему на центральную арену, и сложила руки на груди.

— В юниорской группе у меня катаются три девочки четырнадцати лет. Васина, Морозова и Кравцова. Они приходят на каток в шесть утра и уходят в девять вечера. У них нет в голове воспоминаний о реанимации. У них нет страха перед высотой, нет травматического синдрома и нет претензий на королевский статус. Они прыгают каскады три-три с закрытыми глазами на любом качестве льда, потому что они голодные. Они хотят жрать этот спорт зубами. А ты, Алина... ты сытая. Ты живешь воспоминаниями о финале Гран-при трехлетней давности.

Слова падали тяжело, глухо и прицельно, как удары молота по наковальне. Каждая фраза била точно в нерв. Алина держала лицо, не позволяя ни одной слезе пробиться сквозь сомкнутые ресницы. Она выросла в этой системе и знала ее законы наизусть: слезы перед Громовой означали немедленное отчисление без права на апелляцию.

— Зачем вы меня вызвали, Елена Валерьевна? — ровным, деревянным голосом спросила она. — Чтобы сказать, что я бесполезна?

Громова повернулась от окна. На ее тонких, поджатых губах не дрогнул ни один мускул.

— Чтобы обозначить границы твоего присутствия на моем льду. Деканат спортивного факультета и Федерация города утвердили дату и регламент открытых контрольных прокатов академии. Ровно восемь недель. Пятьдесят шесть календарных дней.

Она подошла к столу, взяла официальный документ с гербовой печатью и положила его перед Алиной:

— В судейской коллегии будут сидеть старшие тренеры взрослой сборной страны. Если через восемь недель ты выкатываешь чистую короткую программу со стабильным тройным лутцем и каскадом во второй половине — мы сохраняем за тобой статус первого номера академии, бюджетную стипендию и утренние часы персонального льда.

Громова сделала паузу, и воздух в кабинете стал густым, холодным и едким:

— Если ты срываешь хотя бы один прыжковый элемент или выходишь на лед с облегченным контентом без тройных... приказом ректората ты немедленно переводишься в группу общей оздоровительной подготовки на коммерческой основе. Без бюджета. Без индивидуального льда. Без права представлять университет на всероссийских турнирах. Ты освободишь шкафчик в раздевалке сборной в тот же вечер.

Приговор был вынесен.

Алина посмотрела на гербовую бумагу. Восемь недель. Пятьдесят шесть дней на то, чтобы переписать изуродованные травмой рефлексy и вернуть прыжок, от одной мысли о котором перехватывало дыхание.

— Я вас поняла, Елена Валерьевна, — Алина медленно поднялась со стула. Спина оставалась негибкой, хотя правое бедро пульсировало острой болью.

— Свободна, Воронова, — тихо бросила тренер, снова беря в руки тренировочный журнал. — И сними лед с бедра через полотенце. Ты сожжешь себе кожу до волдырей, а лечить ожоги перед прокатами у меня нет времени.

На противоположном конце административного крыла ледового комплекса разговор велся на совершенно иных децибелах. Здесь не было балетного шепота и вежливой академической тишины — за массивной дубовой дверью с металлической табличкой «Тренерский штаб ХК „Северные Грифоны“» гремела настоящая буря.

— Ты с ума сошел, Северов?! Ты в своем уме вообще, я тебя спрашиваю?!

Пластиковый планшет с примагниченными черно-красными фишками тактических схем с глухим треском врезался в кожаную спинку дивана. Маленькие круглые магниты брызнули в стороны, застучав по паркету, как крупный град.

Главный тренер команды Виктор Павлович Тарасов тяжело дышал, уперев кулаки в бока. Это был грузный мужчина лет пятидесяти пяти с седеющим бобриком волос, сложенным еще в советской высшей лиге носом и лицом цвета сырого бифштекса. Тарасов руководил «Грифонами» двенадцать лет, выигрывал студенческий чемпионат трижды и признавал только два авторитета: строгую игровую дисциплину и турнирную таблицу.

Марк стоял у высокого окна спиной к тренеру, засунув ладони глубоко в карманы темно-серых спортивных шорт.

Он не дернулся, когда планшет просвистел в полуметре от его плеча. Только широкие трапециевидные мышцы под тонкой хлопковой футболкой слегка напряглись, да на правой скуле, прямо под свежей белой полоской бактерицидного пластыря, методично перекатывался желвак. За стеклом шумел серый петербургский дождь, размывая огни парковки.

В глубоком кожаном кресле напротив окна сидел седовласый мужчина в безупречно отутюженном шерстяном пальто с меховым воротником. Геннадий Борисович Воропаев — ведущий скаут департамента селекции Континентальной хоккейной лиги. Человек, от чьей короткой пометки в служебном блокноте зависело, получит ли выпускник студенческой лиги многомиллионный профессиональный контракт или закончит карьеру в региональных любительских турнирах.

Перед Воропаевым на журнальном столике лежала распечатка расширенной аналитики последних пяти матчей «Грифонов».

— Третий период, — Воропаев заговорил негромко, но его низкий, ровный бас мгновенно заставил Тарасова замолчать и сделать шаг назад. — Счет три-два в вашу пользу. До финальной сирены остается три минуты и сорок секунд. Вы играете в равных составах. Защитник политеха при выходе из зоны встречает тебя на границе синей линии. Мелкий, рядовой фол клюшкой по щитку. Судья на линии уже подни-

мает руку — у вас чистое отложенное большинство. Ты обязан зафиксировать шайбу, забрать две минуты и спокойно докатать концовку в зоне соперника. Что делаешь ты, Марк?

Марк не повернул головы, продолжая разглядывать капли на стекле:

— Он шел коньком в колено Самойлову еще во втором периоде. Судьи зевнули эпизод. Если бы я его не прижал, он в следующей смене сломал бы пацану берцовую кость.

— Ты центральный нападающий, капитан и лицо университета, а не тафгай из низшей канадской лиги! — снова сорвался Тарасов, делая выпад вперед. — Твое дело — забивать шайбы и контролировать темп первого звена, а не сбрасывать краги при каждом косом взгляде со скамейки соперника! Итог эпизода: пять плюс двадцать минут штрафа за драку с нанесением травмы, удаление до конца встречи и автоматическая дисквалификация на две выездные игры! Мы в Вологду через неделю едем без первого центра!

Воропаев поднял руку в кожаной перчатке, останавливая тренера коротким, плавным жестом. Скаут взял лист статистики со стола и постучал ногтем по диаграмме бросковой активности:

— Послушай меня внимательно, Северов. Твой кистевой бросок — элитного уровня. Скорость принятия решений на чистом льду — редкая, ты видишь площадку спиной и умеешь вытягивать на себя двух защитников, освобождая фланги. Но контракт в основном составе клуба КХЛ тебе в таком

виде никто не даст. Знаешь, почему?

Марк медленно повернулся. Его серые глаза были холодными и колючими:

— Потому что генеральные менеджеры боятся штрафных минут.

— Не угадал, — покачал головой Воропаев. — Штрафные минуты лечатся штрафами из зарплаты. Тебя не возьмут, потому что в профессиональной лиге тебя просчитают за два матча. Любой опытный защитник со стажем шепнет тебе пару ласковых про твою семью, наступит коньком на пятку лезвия при вбрасывании — и ты сорвешься. Бросишь команду в меньшинстве в седьмом матче плей-офф, уедешь на скамейку штрафников, а клуб вылетит из сезона. Ты пороховая бочка с тлеющим фитилем, Марк. Ты играешь не на победу команды, ты вымещаешь на льду какую-то свою застарелую ярость.

Марк стиснул зубы так, что на висках вздулись вены, но промолчал. Воропаев попал в самую болевую точку — туда, где уже два года тлела незаживающая рана после смерти матери и бесконечных отцовских долгов.

— И это еще полбеды, — скаут перевернул страницу отчета, ткнув пальцем в графу «Маневренность и энергозатратность катания». — Смотри сюда. Твой левый вираж спиной вперед. При смене направления на глубоком внутреннем ребре твой голеностоп заваливается внутрь. Ты пытаешься повернуть девяносто пять килограммов массы за счет силы

бедра и рывка плеч, вместо того чтобы резать лед лезвием. На широких европейских площадках мобильные защитники тебя съедают, потому что ты тормозишь всем корпусом, теряя две десятых секунды на каждом выходе из виража.

Воропаев медленно поднялся с кресла, поправил меховой воротник и подошел к Марку вплотную:

— До зимнего трансферного окна и открытия предварительных заявок драфта осталось ровно четыре домашних матча. Декабрьский финал студенческой лиги — крайний срок. Условия предельно простые: если за эти четыре игры ты получаешь хотя бы один дисциплинарный штраф за неспортивное поведение — моя рекомендация совету директоров клуба будет отрицательной. А без нее на контракт можешь не рассчитывать.

Скаут застегнул пальто, взял кожаную папку и посмотрел нападающему прямо в глаза:

— Исправь технику катания спиной вперед. Научись контролировать нервы, Марк. Иначе твой спортивный потолок — ночная лига среди заводских любителей. Время пошло.

Дверь хлопнула. В кабинете повисла тяжелая, гулкая тишина.

Тарасов устало потер пальцами переносицу, подобрал с пола рассыпанные магниты и бросил на капитана долгий, мрачный взгляд:

— Ты все слышал, Северов. Нашивки я тебя пока не лишаю — команда тебе верит, и пацаны за тобой пойдут в

огонь. Но если в следующую субботу против Горного ты позволишь себе хотя бы один лишний жест клюшкой... я сам посажу тебя на лавку до конца четвертого курса. А теперь марш в кардио-блок. Отрабатывай челночный бег, пока ноги не откажут.

К трем часам дня коридоры первого этажа спортивного комплекса заполнились шумной, пестрой студенческой толпой.

Закончились общие лекции по физиологии и биохимии спорта, звенели металлические дверцы раздевалок, из большого игрового зала эхом доносился ритмичный стук баскетбольных мячей и резкие свистки преподавателей.

Алина медленно шла по узкому переходу к физиотерапевтическому крылу, стараясь держаться ближе к кафельной стене. Каждый шаг правой ногой отдавался глухим, стреляющим импульсом в ушибленное бедро. Мышцы вокруг сустава одеревенели, напоминая тугой резиновый жгут, но она держала осанку с балетной безупречностью, не позволяя себе даже намек на хромоту. В правой руке она сжимала плотный полиэтиленовый пакет со льдом, набранным в процедурном кабинете.

Около вендингового кофейного автомата у поворота к залам ОФП было прохладно. Алина остановилась, прижала ледяной компресс прямо сквозь черную ткань леггинсов к ноющему бедру и прислонилась затылком к холодному кафелю стены, прикрыв глаза.

Перед мысленным взором все еще стояли тонкие, холодные пальцы Громовой, выстукивавшие карандашом приговор: *«Восемь недель. Пятьдесят шесть дней. Или чистый прокат со стабильным лутцем, или освобождай раздевалку»*.

— Лёд прикладывают через полотенце, Воронова. Иначе получишь обморожение подкожной клетчатки, а поверх него — фиброз ткани.

Алина вздрогнула и резко распахнула глаза.

Слева от нее, небрежно привалившись плечом к широкому подоконнику, стоял Марк Северов. В руке он держал высокий бумажный стаканчик с темным, обжигающе горячим чаем.

На нем уже не было клубной ветровки — простая темно-серая толстовка с капюшоном, спортивные штаны и кроссовки. Влажные после душа волосы темными прядями падали на лоб, частично прикрывая пластырь на брови. Без массивных наплечников и шлема он не казался двухметровым монстром из ночных кошмаров соперников, но его плечи все равно были пугающе широкими, а осанка — собранной и пружинистой. Под глазами залегли темные круги усталости, а в серых зрачках застыло странное, отрешенное выражение.

Алина инстинктивно убрала пакет со льдом за спину, вскинув подбородок:

— Ты следишь за мной, Северов? Или в твоём хоккейном блоке закончились коридоры?

Марк медленно сделал глоток чая, не сводя с нее немигающего взгляда:

— Слишком много чести. У меня восстановительный блок через стенку. А у тебя, я смотрю, бедро все-таки не простило утренней встречи с моим льдом.

— Это был мой лед, — с нажимом повторила она утреннюю мантру.

— Был, пока ты не решила пропахать его на боку от синей линии до борта, — Марк опустил стаканчик на подоконник, сделал шаг вперед и неожиданно спокойно, без тени привычной надменности или сарказма спросил: — Что сказала Громова?

Алина замерла. Сердце предательски кольнуло. Меньше всего на свете ей хотелось обсуждать свой смертный приговор с парнем, чьи партнеры по команде еще несколько часов назад ржали над ее падением.

— Какая тебе разница?

— Никакой, — Марк пожал плечами, но взгляда не отвел. — Просто у нее в коридоре было точно такое же выражение лица, как у моего главного пять минут назад. Будто нам обоим только что официально объявили дату публичной казни на университетской площади.

Алина посмотрела на свежую ссадину на его скуле, вспомнив утренний разговор хоккеистов о дисциплинарном комитете и скаутах.

— Тебя снимают с драфта? — тихо, без прежней язви-

тельности спросила она.

Марк криво усмехнулся, но в этой усмешке не было ни капли веселья — только глухая, злая горечь:

— Если за четыре матча не научусь закладывать левый вираж спиной вперед без потери скорости и перестану бить морды тем, кто очень настойчиво об этом просит, — снимут. Черной меткой по всей лиге. А тебя?

Алина отвела глаза в сторону окна, где за стеклом потоки дождя хлестали по мокрому асфальту:

— Если через восемь недель я не прыгну тройной лутц на контрольных прокатах перед комиссией федерации — меня списывают на коммерческий поток оздоровительного катания. А это значит конец спорту.

В коридоре повисла тяжелая, гулкая пауза.

Мимо с громким смехом пробежали девочки из волейбольной секции, кто-то спорил о зачете по анатомии, хлопали двери аудиторий. Но в этом узком углу у кофейного автомата образовался вакуум. Два спортсмена высшей квалификации, балансирующие на самом краю пропасти, отчетливо увидели друг в друге одинаковую, разъедающую изнутри боль — страх потерять дело, которому была отдана вся сознательная жизнь.

Марк первым нарушил тишину. Он снова взял свой чай, задумчиво повертел стаканчик в широких пальцах с ободранными костяшками и прищурился, глядя на ее белые коньки в чехле, висевшие на ее плече:

— Слушай, Воронова... А ты правда умеешь держать глубокую дугу на внутреннем ребре на предельной соревновательной скорости?

Алина вскинула голову, чувствуя, как внутри просыпается профессиональная гордость:

— Я мастер спорта. Я реберные тесты первого уровня сдавала, когда ты еще в детском саду с шайбой ползал.

— Допустим, — Марк шагнул еще ближе, понизив голос до едва слышного шепота. — А падать без панических атак умеешь? Так, чтобы не ждать перелома костей в каждую секунду срыва?

Алина нахмурилась, уловив в его вопросе не насмешку, а расчетливую мысль:

— К чему ты клонишь?

Марк посмотрел на настенные электронные часы, где мигали цифры расписания арены, затем снова на нее — и в глубине его серых глаз впервые зажегся тот самый холодный, опасный огонь плеймейкера, просчитывающего комбинацию на ход вперед:

— К тому, птичка, что у нас обоих есть именно то, без чего другой вылетит из профессии до Нового года. И если мы не хотим пойти ко дну поодиночке... нам придется договориться.

Глава 3. Зона столкновения

Зал общей физической подготовки на третьем этаже спортивного комплекса существовал по законам предельной кинетической честности.

Здесь не было гладкого зеркала льда, скрадывающего огрехи инерции и прощающего недостаток чистой мускульной силы. Пространство площадью в четыреста квадратных метров было жестко и бескомпромиссно поделено на две противоположные стихии.

Левую половину занимала зона классической хореографии и стретчинга: полированный дубовый паркет, двухъярусные деревянные станки вдоль сплошной стены из высоких зеркал, поролоновые маты пастельных тонов и легкий, едва уловимый запах канифоли и детского талька. Правую половину оккупировало тяжелое железо: черное ударопоглощающее резиновое покрытие из прессованной крошки, массивные силовые рамы для приседаний, тяжелоатлетические помосты, пирамиды наборных хромированных блинов и ряды чугунных гантелей, пахнувших машинной смазкой, магнетизм и литрами въевшегося в решетки пота.

Обычно эти два мира никогда не пересекались во времени. Фигуристы оккупировали станки и зеркала ранним утром и в первой половине дня, вытягивая носки и шлифуя выворотность бедер под аккомпанемент классического роя-

ля. Хоккеисты, легкоатлеты и борцы заваливались в зал ближе к вечеру, врубая через портативные колонки тяжелый гитарный рифф и сотрясая перекрытия грохотом падающих штанг.

Но в половине пятого вечера зал замер в редком, звенящем межсессионном затишье.

Большие окна-витражи, выходившие на затянутый свинцовыми тучами Малый проспект, пропускали тусклый, серый свет угасающего ноябрьского дня. В воздухе мерно кружились редкие пылинки, освещенные длинными лампами дневного света.

Алина стояла в дальнем углу хореографической зоны, зажав между коленями плотный латексный эспандер темно-фиолетового цвета с максимальным сопротивлением.

На ней был черный облегающий лонгслив из дышащей компрессионной ткани, полностью закрывавший руки до запястий, и короткие тренировочные шорты поверх плотных матовых колготок. Рукава были закатаны до локтей, обнажая тонкие предплечья с четко проступающими синими венами. Каштановые волосы она снова стянула в тугий, тугий пучок на затылке, закрепив дюжиной невидимок так, чтобы ни одна прядь не смела упасть на лицо при резком повороте головы.

Правое бедро горело.

Охлаждающий гель лишь временно приглушил боль, превратив ее из острой вспышки в тупую, пульсирующую тя-

жесть, напоминавшую привязанный к тазобедренному суставу свинцовый груз. Каждый подъем ноги на станок отзывался глубоким спазмом подвздошно-поясничной мышцы. Но Алина методично, стиснув зубы до белого скрежета эмали, продолжала серию махов: назад, в сторону, фиксация на девяносто градусов, удержание баланса на пять счетов.

«Восемь недель. Пятьдесят шесть дней. Пятьдесят пять дней и шестнадцать часов», — монотонно отсчитывал метроном в ее голове.

Слова Громовой въелись под кожу ядовитым раствором. Перевод на коммерческий поток оздоровительного катания означал смерть. Настоящую, необратимую смерть всего, ради чего она с пяти лет отказывалась от нормального детства, школьных друзей, сладкого, выходных и семейных праздников. Фигурное катание высших достижений не прощало пауз: если ты выпадаешь из обоймы в девятнадцать лет, назад дороги нет. Тебя мгновенно затаптывает волна четырнадцатилетних юниорок с не знающими усталости связками и еще не сломанной психикой.

Она сбросила эспандер на пол, тяжело и часто дыша через нос.

Взяла из холщового мешочка круглый металлический диск тренажера-вестибулятора — обычный спортивный спиннер из авиационного алюминия диаметром всего двадцать сантиметров. На верхней площадке диска были нанесены мелкие рифленые насечки, предотвращавшие сколь-

жение подошвы кроссовка, а внутри скрывался двухрядный прецизионный подшипник, позволявший раскручивать тело на полу со скоростью до четырех оборотов в секунду.

Для любого одиночника спиннер был одновременно спасением и пыточной камерой. На нем отрабатывали вестибулярную устойчивость, плотность группировки и мышечную память оси вращения без участия ледового скольжения.

Алина положила диск на гладкий паркет в двух метрах от зеркальной стены, прямо напротив своего отражения.

Сделала несколько коротких вдохов. Опустила плечи, растягивая трапеции. Закрыла глаза на три секунды, мысленно прорисовывая биомеханическую схему движения.

Исходная позиция. Центр тяжести строго над серединой стопы. Опорная нога чуть согнута в колене. Руки разведены в стороны, создавая начальный угловой момент. Отталкивание носком левой ноги по дуге. Вход во вращение. Мгновенное смыкание рук у груди в жесткий замок. Правая нога плотно прижимается к левой голени. Три оборота. Раскрытие. Остановка.

Алина шагнула правой ногой на металлический диск. Подошва легкого бегового кроссовка с мягким щелчком встала точно по центру рифленого круга.

Она плавно отвела левую ногу назад, закрутила корпус вправо и сделала резкий, акцентированный толчок носком. Диск со звонким, сухим жужжанием сорвался с места. Подшипник запел тонким, металлическим голосом.

Окружающий мир мгновенно смазлся в сплошную горизонтальную полосу: серые окна, черные стойки штанг, бесконечная череда ее собственных отражений в зеркалах.

Первый оборот прошел идеально. Тело послушно поймало вертикаль, руки захлопнулись у ключиц, пальцы впились в ткань лонгслива.

Второй оборот. Скорость вращения нарастала лавинообразно. Центробежная сила попыталась разорвать группировку, выдавливая локти наружу, но мышцы кора держали каркас.

Третий оборот...

И в эту долю секунды, на самом пике вращения, в затылке Алины снова щелкнул тот самый проклятый триггер.

Сухой, вибрирующий звук ломающейся кости.

Он не прозвучал в реальности — зал был абсолютно тих. Но слуховой нерв воспроизвел его с пугающей, объемной четкостью стереосистемы. Перед глазами вместо размытых зеркал на мгновение вспыхнул ослепительно-белый свет операционной лампы и холодный, равнодушный голос хирурга: *«Держите давление, связка ушла с надкостницей»*.

Сердце Алины споткнулось. Горло мгновенно пережало спазмом, словно на шею набросили толстый пеньковый канат. Воздух в легких превратился в раскаленный песок, непригодный для дыхания.

Паника накрыла ее с головой — слепая, животная, неконтролируемая.

Тело среагировало раньше, чем мозг успел отдать команду. В попытке спастись от воображаемой катастрофы Алина инстинктивно, судорожно выбросила руки в стороны, пытаюсь погасить угловую скорость.

Это была грубейшая, фатальная физическая ошибка.

При резком увеличении радиуса центробежный момент инерции сработал как таран. Правую стопу сорвало с рифленной поверхности вращающегося диска. Подошва кроссовка прочертила по алюминию, нога подвернулась наружу, и девушку с неумолимой силой швырнуло вбок.

Алина не успела сгруппироваться.

Она рухнула на жесткий паркет всем телом, проехав бедром и коленом по лакированным доскам. Удар вышиб из груди остатки воздуха с глухим, надрывным хрипом.

Металлический спиннер, выбитый из-под ноги, со звонким, металлическим визгом покатился через весь зал, подпрыгнул на стыке покрытий и с тяжелым чугунным грохотом врезался в нижний блин тяжелоатлетической стойки, заставив вибрировать всю пирамиду штанг.

Эхо удара заметалось под высоким потолком и медленно затихло.

Алина лежала на полу, подтянув колени к подбородку и вцепившись пальцами в ворот лонгслива.

Она не могла вздохнуть. Диафрагма намертво встала в верхнем положении, заблокированная спазмом блуждающего нерва. Горло судорожно сжималось, пропуская лишь тон-

кие, сильные, свистящие звуки. Пальцы на руках мгновенно заledenели, покрывшись липким потом, а в глазах стремительно темнело — по краям поля зрения расплзались черные, пульсирующие пятна классического гипервентиляционного приступа.

«Дыши... Воронова, дыши, черт тебя дери...» — билась паническая мысль где-то на самом краю гаснущего сознания. — *«Вдох на четыре счета... задержка... выдох...»*

Но счет не работал. Тело больше не подчинялось приказам. Оно билось в тисках слепого ужаса, уверенное, что прямо сейчас правая нога снова разорвана в клочья. Слезы бессилия обожгли глаза, покотившись по вискам на холодный паркет.

Внезапно тяжелая дверь тренажерного зала со стороны коридора тихо скрипнула.

По резиновому настилу за спиной Алины раздались быстрые, упругие шаги. Никакой спешки, но каждый шаг отдавался глухим, уверенным давлением массы.

Широкая тень скользнула по зеркальной стене, закрывая серый свет из окна.

— Эй. Воронова. Прекрати ломать себе ребра. Дыши.

Низкий, ровный, густой баритон прозвучал не сверху, а прямо на уровне ее уха.

Алина судорожно вскинула голову.

Зрение все еще плыло: мир двоился, серые рамы окон двоились в мокрых от выступивших слез глазах, но она сразу

узнала этот силуэт.

Марк Северов опустился рядом с ней на одно колено прямо на холодные лакированные доски паркета. На нем была простая черная спортивная майка без рукавов из плотного хлопка, открывавшая мощные, рельефные плечи и темное, детализированное тату с хищным крылом грифона на правом предплечье. В руках он держал нераспечатанную полторалитровую бутылку негазированной минеральной воды и чистое вафельное полотенце.

В его позе не было ни капли превосходства. Ни тени насмешки или снисходительной жалости, которой Алина боялась больше открытого оскорбления. Только предельная, почти хирургическая собранность человека, который сотни раз видел, как люди ломаются от болевого шока на спортивной площадке.

— Уйди... — сипло, на одном выдохе выдавила она, пытаясь оттолкнуться ладонями от пола и подняться на ноги. Но колени были ватными, чужими, а в глазах снова потемнело.

— Сиди на месте, Воронова. Не дергайся, — Марк не стал хватать ее за плечи или прижимать к полу, уважая дистанцию, но его рука легла на паркет в десяти сантиметрах от ее ладони твердым, непреодолимым барьером. Он поставил бутылку на пол и отвинтил пластиковую крышку одним движением пальцев. — Глаза на меня подними. Быстро.

Алина невольно подчинилась. Чужая властная уверенность пробивала вязкий туман паники, как ледокол пробивает

торосы.

Серые глаза Северова смотрели в упор — холодные, глубокие, абсолютно трезвые. В них не было страха перед ее истерикой.

— Не смотри в зеркала, — скомандовал он негромко, но с такой плотной, густой силой в голосе, что ее судорожное дыхание само собой замедлило темп. — Зеркала врут. Смотри на мою руку. Считай пальцы.

Марк поднял свою широкую правую ладонь со сбитыми костяшками и зажившими шрамами от чужих коньков на уровень ее глаз. Сжал пальцы в тяжелый кулак, а затем начал медленно, плавно разгибать их один за другим:

— Один. Делай вдох носом. Глубокий, до самого низа живота. Давай, Алина, я никуда не ухожу.

Она сжала зубы, глядя на его большой палец, и с хрипом втянула воздух сквозь сведенные спазмом ноздри. Ледяной воздух ворвался в бронхи.

— Два, — разогнулся указательный палец Марка. — Держи воздух внутри. Не выпускай. Считай про себя: раз, два, три, четыре.

Диафрагма Алины дрожала от чудовищного напряжения, готовая сорваться в новый кашляющий спазм, но тяжелый, немигающий взгляд хоккеиста буквально держал ее на плаву.

— Три, — третий палец. — Плавный выдох через рот. Медленно.словно задуваешь свечу на расстоянии полуметра. Выпускай все до последней капли. Четыре. Задержка на

пустых легких.

Они повторили цикл раз. Второй. Пятый.

Его ровный, размеренный баритон работал как метроном, вытесняя из головы фантомный хруст разорванных связок и белый свет операционной. Пальцы Алины на паркете постепенно перестали подрагивать. Черные пятна перед глазами начали таять, возвращая четкость контурам зала: серые рамы, стальные грифы штанг, высокий потолок с вентиляционными трубами.

Судорожный спазм отпустил ребра. Легкие наконец наполнились кислородом полностью, без колющей боли.

Алина обессиленно опустила плечи, уткнувшись затылком в деревянную перекладину нижнего хореографического станка, и закрыла глаза. По телу прокатилась холодная, опустошающая слабость — неизбежная расплата за взрывной выброс адреналина. Майка на спине промокла от холодного пота.

Марк молча пододвинул к ней бутылку с водой и положил рядом чистое полотенце.

— Пей маленькими глотками. Горло пересохло.

Алина взяла бутылку дрожащими пальцами. Вода показалась обжигающе холодной, но смыла горький привкус спазма во рту. Она сделала три медленных глотка, промокнула лицо полотенцем и наконец нашла в себе силы поднять глаза на хоккеиста.

Марк уже поднялся с колена. Он неторопливо подошел к

пирамиде штанг у противоположной стены, нагнулся и поднял с резинового мата алюминиевый диск спиннера. Повертел тяжелый металлический кругляш в пальцах, проверил плавность хода подшипника — металл тихо, чисто запел в его руках, — а затем вернулся и сел на край низкой гимнастической скамьи напротив Алины, положив локти на колени.

— Спасибо, — выдавила она через силу.

Это слово далось ей тяжелее, чем десять серий прыжковых имитаций. Для одиночницы признать свою беспомощность перед чужим человеком, тем более перед парнем из враждующего хоккейного блока, было равносильно публичной капитуляции.

Марк пожал плечами, не придавая ее благодарности лишнего веса:

— В первом звене молодежи у нас был парень. На выезде в Магнитогорске влетел головой в открытую калитку борта. Сотрясение третьей степени, потеря памяти на трое суток. Когда вернулся на лед, у него перед каждым силовым приемом начиналась ровно такая же трясучка: дыхалка вставала колом, глаза бешеные, руки не слушались. Я знаю, как выглядит паническая атака, Воронова. В этом нет ничего постыдного. Мозг просто пытается спасти тушку от того, что посчитал смертельной угрозой.

Алина горько усмехнулась, комкая в руках полотенце:

— Рада, что пополнила твою коллекцию университетских

инвалидов, Северов. Громова считает иначе. Громова считает, что это элементарная трусость.

— Громова смотрит на тебя как на строчку в ведомости соревнований, — резко, без колебаний отрезал Марк. — Для тренеров мы расходный материал. Пока даешь медали — ты гордость школы. Как только поломался — превращаешься в балласт, жрущий бюджетные часы льда. Мой Тарасов точно такой же. Думаешь, его волнует, почему я защитнику политеха нос свернул? Ему плевать, что тот парень весь матч грязно шел в колени первокурсникам. Тарасова волнует только то, что в следующей игре у него дыра в центре первого звена.

Алина внимательно посмотрела на него.

В полумраке зала лицо Марка казалось старше своих двадцати одного года. Резкие тени подчеркивали прямую линию носа, упрямый излом бровей и глубокую вертикальную складку между ними. В нем не было ничего от того поверхностного, самодовольного пижона с рекламного плаката академии, каким она привыкла его считать.

— Ты сказал у кофейного автомата... что мы можем договориться, — негромко произнесла она, отставляя бутылку в сторону. — О чем?

Марк переложил спиннер на колени, проведя пальцем по рифленой насечке:

— Скаут Воропаев дал мне срок до декабря. Четыре домашних матча. Если за это время я не исправлю свой вираж

спиной вперед и не перестану терять баланс на внутреннем ребре при резкой смене вектора — контракт в КХЛ улетит в трубу. Хоккейные тренеры умеют ставить прямолинейную скорость и силовой прокат. Но микрогеометрию лезвия, работу голеностопа под предельными углами атаки и реберное скольжение лучше вас, одиночников, не понимает никто в мире. Вы режете лед под такими углами, где обычный хоккеист просто вылетит с катушек и сломает борт.

Алина нахмурилась, вникая в биомеханическую суть его проблемы:

— Ты заваливаешь голеностоп внутрь, потому что блокируешь таз. Ты пытаешься повернуть девяносто килограммов массы мускулатурой плечевого пояса. Это решается за пару недель, если поставить правильный наклон ребра конька и распределить баланс над пяткой лезвия. Но чем мне может помочь хоккеист? Ты сам сказал: ты тафгай, который берет лед напором.

Марк подался чуть вперед. Его взгляд стал предельно деловым, жестким и собранным:

— Я научу тебя падать, Воронова.

Алина недоверчиво моргнула:

— Что?

— То, что слышала. Главная причина твоих панических атак — не нога. Нога зажила, ты сама это знаешь. Твоя беда в том, что ты патологически боишься соприкосновения со льдом после срыва. Вас, фигуристок, с детства дрессиру-

ют до одури: вертикаль любой ценой, носок натянут, падать нельзя, падение — это минус баллы, позор и слезы. Вы боретесь за приземление на одну ногу даже тогда, когда ось прыжка уже безнадежно потеряна. В итоге ты втыкаешься в лед под изломанным углом и рвешь связки.

Марк встал со скамьи, расправив широкие плечи:

— В хоккее все с точностью до наоборот. Нас учат падать раньше, чем учат правильно держать клюшку. Если тебя сносят на скорости сорок километров в час — ты не спасаешь красивую позу. Ты группируешься в долю секунды, сбрасываешь импульс удара в скольжение по плоскости льда и перекатываешься на защиту. Мы летаем в борт по сорок раз за тренировку и встаем через полторы секунды без единого перелома.

Он сделал два шага к ней, остановившись в метре:

— Я надену на тебя мягкую юниорскую броню. Плотные налокотники, шорты с толстой пеной, щитки на колени. Мы выйдем на пустой лед, и я буду ронять тебя на всех скоростях до тех пор, пока твое тело на уровне рефлексов спинного мозга не поймет: падать на лед — это не больно. Это просто скольжение. Когда твой мозг перестанет ждать катастрофы от каждого падения, ты перестанешь раскрываться в воздухе на тройных.

В зале повисла тяжелая, гулкая тишина.

Алина смотрела на него снизу вверх, переваривая услышанное. Мысль звучала дико, абсолютно антихореографич-

но и безумно. Ни один тренер по фигурному катанию в здравом уме никогда бы не предложил подобного метода.

Но классические методы Громовой завели ее в глухой тупик, на выходе из которого маячило только отчисление из сборной.

— Это безумие, Северов, — медленно, взвешивая каждое слово, проговорила она. — Если декан или Громова увидят, что я выхожу на лед в хоккейных щитках без их ведома... меня дисквалифицируют еще до открытых прокатов.

— Не увидят, — Марк достал из кармана шорт связку тяжелых металлических ключей на массивном стальном кольце. — Второй тренировочный каток закрывают на висячий замок в одиннадцать вечера. Но у меня есть ключ от аварийного пожарного выхода со стороны бойлерной. Дежурный дядя Миша закрывает глаза на мои ночные раскатки за блок хорошего табака и две банки кофе в месяц.

Он сделал шаг вплотную, протягивая ей широкую, сильную ладонь:

— Три ночи в неделю, Воронова. С полуночи до двух утра. Ровно два часа. Никаких зрителей, никаких тренеров, никаких протоколов. Первый час — твой: ставишь мне ребра, виражи и выбиваешь из меня привычку тормозить корпусом. Второй час — мой: надеваем защиту и учимся летать на лед без инфаркта. Если хоть один из нас опаздывает, филонит или сливает информацию на сторону — договор аннулируется в ту же секунду.

Алина посмотрела на его протянутую руку.

На широкой ладони темнели мозоли от рукояти клюшки, кожа была сухой и шершавой. Она вспомнила холодный взгляд Громовой, равнодушие врачей и ядовитую улыбку четырнадцатилетней юниорки Морозовой, которая сегодня утром уже примеряла ее соревновательный шкафчик.

Выбора не было. Точнее, выбор был прост: сдаться прямо сейчас или рискнуть всем.

Алина протянула свою тонкую, но сильную руку и уверенно вложила пальцы в ладонь Северова.

Его пальцы сомкнулись вокруг ее кисти мгновенно — теплые, тяжелые, обладающие невероятной плотностью захвата. По коже Алины прокатился легкий, колющий электрический разряд, но она не отвела взгляда от его серых глаз:

— По рукам, Северов. Но запомни: если ты хоть раз появишься на катке с похмелья после своих командных пьянок — я лично воткну фигурный зубец тебе в щиток.

Марк усмехнулся — открыто, дерзко, обнажив ровные белые зубы:

— Я не пью во время сезона, птичка. Завтра в полночь. У пожарной двери малой арены. И надень что-нибудь теплое: ночью на малом катке морозилки выкручивают на максимум.

Он разжал пальцы, но ощущение его сухого, обжигающего тепла осталось на ее ладони даже после того, как тяжелая дверь тренажерного зала захлопнулась за его широкой спи-

ной.

Глава 4. Ночной пакт

Без двадцати двенадцать ночи спортивный университет окончательно погрузился во тьму, превратившись в безмолвный железобетонный монолит.

Погасли парадные стеклянные витражи главного вестибюля, отключилась подсветка рекламного баннера с профилем Северова над центральным крыльцом, затихли гулкие аудитории кафедры спортивной медицины. Огромное четырехэтажное здание засыпало, но не умирало: где-то в недрах подвалов мерно, утробно вибрировали циркуляционные насосы, по трубам отопления с глухим металлическим шелканьем перетекала горячая вода, а в вентиляционных шахтах гулял сырой сквозняк с Финского залива, пахнувший водорослями, мокрым асфальтом и близким снегопадом.

Алина скользнула в узкий технический переулок между корпусом тяжелой атлетики и кирпичной стеной университетской котельной.

Ветер дул прямо в лицо, заставляя глубже прятать подбородок в объемный шерстяной шарф. На ней был удлиненный черный пуховик без логотипов, плотные термолеггинсы с начесом, на ногах — надежные зимние ботинки с глубоким протектором. На плече на широком текстильном ремне привычной тяжестью лежала сумка с коньками. Каждое резкое движение отдавало глухим предупреждающим импульсом в

ушибленное бедро, но мазь сделала свое дело: гематома стянулась, перестав жечь огнем при каждом шаге.

Она подошла к неприметной пожарной двери с облупившейся серой краской, над которой тускло мерцал грязно-желтый плафон аварийного освещения. Под ручкой на массивном навесном козырьке висела тяжелая металлическая табличка: *«Запасный выход № 4. Проход категорически запрещен. Штраф по регламенту академии — 5000 рублей»*.

У Алины на секунду перехватило дыхание. Если их поймут здесь посреди ночи, пятью тысячами рублей дело не ограничится. Нарушение режима безопасности объекта первой категории перед открытыми контрольными прокатами — это гарантированный выговор ректората, лишение стипендии и автоматический запрет на тренировочный лед. Громовой даже не придется придумывать повод для ее перевода на оздоровительный поток — руководство факультета подпишет приказ за пять минут.

Дверь внезапно бесшумно дрогнула и приоткрылась наружу на пару сантиметров, выпустив на улицу полосу теплого пара с резким запахом машинного масла и крепкого табака.

Из узкой щели показалась рука в черной перчатке без пальцев, поманившая ее внутрь.

Алина быстро перешагнула высокий стальной порог. Дверь за ее спиной тут же захлопнулась с глухим, смазанным щелчком пружинного доводчика.

В полумраке технического тамбура, освещаемого лишь

красноватыми индикаторами пожарного щита, стоял Марк. На нем были широкие темные тренировочные брюки, плотное худе графитового цвета с накинутым на голову капюшоном и короткая стеганая жилетка. В руке он держал массивную связку ключей на стальном кольце и литровый матовый термос темно-стального цвета с четкой лазерной гравировкой: «17».

Он окинул ее быстрым, цепким взглядом с ног до головы, зафиксировав дыхание и походку:

— Без хвоста?

— Северов, я фигуристка, а не шпион на задании, — шепотом отозвалась Алина, сбрасывая капюшон. — На парковке никого, дежурный свет на КПП погашен.

— Дядя Миша получил две полукилограммовые пачки колумбийской арабики в зернах и блок сигарет с ментолом, — Марк усмехнулся краешком губ, и в темноте блеснули его ровные белые зубы. — До трех ночи он заперся в своей камерке на первом этаже и смотрит повтор финала Кубка Гагарина за четырнадцатый год со звуком на полную мощность. Мы для него официально не существуем. Пошли.

Он развернулся и зашагал по узкому служебному лабиринту.

Марк двигался абсолютно бесшумно, несмотря на габариты: ступни в мягких кроссовках пружинили по резиновому настилу пола без единого скрипа. Они миновали спящую сушилку хоккейного блока, откуда тянуло застарелым запахом

пропотевшей экипировки и мокрой кожи краг, свернули за распределительный щит и вышли к тяжелой звукоизолирующей двери малой тренировочной арены.

Марк вставил длинный латунный ключ в скважину, провернул его на два оборота — замок отозвался мягким маслянистым звуком — и толкнул полотно плечом, придерживая створку рукой:

— Прошу, мадемуазель. Ваш персональный лед подан.

Алина шагнула внутрь, и морозный воздух арены мгновенно обнял ее лицо колючей, сухой свежестью.

Малая арена ночью выглядела совершенно иначе, чем днем. Здесь не горели ослепительные прожекторы заливающего света, превращавшие пространство в плоский медицинский кабинет. Освещение обеспечивали лишь дежурные натриевые лампы янтарного спектра, установленные по углам под балками перекрытия. Их длинные, золотисто-оранжевые полосы косо падали на лед, оставляя трибуны и дальние углы площадки в глубокой, бархатной тени.

Гладь катка казалась черным полированным зеркалом замерзшего северного озера. Ни шелеста, ни вздоха. Только мерный рокот холодильных компрессоров, доносившийся сквозь плиты основания, словно биение гигантского железного сердца.

Они подошли к скамейке запасных команды гостей. Марк сбросил термос на гладкие деревянные доски, поставил рядом свой объемный баул и опустился на лавку, вытягивая

длинные ноги.

— Переобуваемся здесь, — скомандовал он, расстегивая молнию на сумке. — Резина на полу свежая, лезвия не убьешь.

Алина села на противоположный край скамейки, положила сумку на колени и достала свои «Риспорты».

Белая жесткая кожа ботинок за время перехода по улице успела остыть, став тугой, как пластиковая броня. Она скинула утепленные зимние ботинки, натянула поверх колготок тонкие шерстяные носки и принялась за привычный ритуал шнуровки. Пальцы от холода слушались с трудом. Чтобы затянуть шнурок на подъеме стопы с нужным усилием, требовалось намертво перехватить тесьму тремя пальцами, сделать рывок на себя и зафиксировать узел на металлических крючках.

Марк наблюдал за ее движениями, не торопясь доставать свои коньки.

В полумраке его серые глаза казались почти черными, отражая тусклые янтарные отблески ламп.

— Сколько времени у тебя уходит на эту процедуру? — негромко спросил он, кивнув на ее ботинки.

— Семь минут на пару, если кожа не промерзла, — не поднимая головы, ответила Алина, затягивая второй крючок на правой ноге. — Фигурный ботинок должен сидеть как вторая кожа. Если пятка будет гулять хотя бы на полмиллиметра — на приземлении с тройного лутца голеностоп выломает

наружу вместе с костью. Мы не можем позволить себе мягкую фиксацию.

— А мы шнуруемся за сорок секунд, — Марк достал из баула свои коньки.

Это были черные углепластиковые «Бауэры» высшей линейки — монолитные, хищные, с укороченными стаканами лезвий и глубокими царапинами на композитных боковинах. Лезвия были зачернены специальным карбидным напылением.

Марк сунул стопу в ботинок, перехватил вощенные шнурки обеими руками и одним мощным, зверским движением предплечий затянул всю шнуровку снизу доверху. Раздался резкий хруст плотной тесьмы. Завязал глухой двойной узел, дернул язычок и сразу поднялся, проверяя натяжение.

Алина скептически покосилась на его обувь:

— И как ты чувствуешь ребро с такой деревянной фиксацией?

— Я чувствую лед через сталь, Воронова, — Марк подошел к ней, положил руки на спинку скамейки и чуть наклонился вперед. — А теперь давай еще раз проговорим условия нашего договора. Чтобы потом, когда у тебя или у меня сдадут нервы, никто не кричал о нарушении конвенции.

Алина завязала аккуратный бант на левом ботинке, выпрямилась и посмотрела ему прямо в глаза:

— Я слушаю твой устав, капитан.

Марк загнул широкий палец:

— Правило первое: абсолютная конспирация. О том, что мы делаем на этом льду, не знает ни одна живая душа. Ни твоя великая и ужасная Громова, ни мои пацаны из первого звена, ни уборщицы. Если нас накроет комендант или охрана — вину делим пополам. Никаких детских отмазок в стиле «он меня заставил, я просто рядом стояла».

— Принято, — кивнула Алина. — Мне лишнее внимание деканата перед прокатами нужно меньше всего на свете.

— Второе, — Марк посерьезнел, и в его голосе прорезалась та самая командирская нота, которой он строил пятерку на льду. — Абсолютная честность по болевым ощущениям. Фигуристов с пеленок зомбируют: терпи, улыбайся, расшибись в лепешку, но докатай программу до конца. Здесь ты этот балетный героизм выключаешь. Если твоя правая нога подает хоть малейший сигнал перегрузки — ты говоришь мне сразу. Без пауз и стыда. Я не собираюсь уносить тебя отсюда на руках и объяснять врачам «скорой», почему у надежды академии повторный разрыв сухожилий.

Алина почувствовала, как к щекам прилило тепло. В его словах не было снисхождения сильного к слабому — это была сухая, предельно профессиональная забота партнера, который бережет ресурс общего механизма.

— Договорились, — тихо произнесла она. — Но зеркальное условие для тебя: ты слушаешь каждое мое замечание по твоей осанке. Даже если упражнение покажется тебе смешным, девчачьим или унижительным для двухметрового напад-

дающего. Ты привык ломать лед силой, а в реберном катании решает баланс до миллиметра. Одно твоё кривое плечо — и вся дуга летит к черту. Слушаешь беспрекословно.

Марк хмыкнул, но кивнул:

— Идет. И третье правило: равный размен времени. Ровно пятьдесят минут — твои: ставишь мне внутреннее ребро, исправляешь мой дубовый голеностоп и учишь не терять скорость на вираже спиной. Вторые пятьдесят минут — мои: надеваем защитные шорты, щитки и учим тебя падать на лед без паники.

Он протянул ей руку в черной перчатке:

— Никаких поблажек. Никаких слез. Чистый бартер. Согласна?

Алина поднялась со скамейки, оперлась лезвиями о резиновый настил и уверенно вложила свои пальцы в его широкую ладонь.

Хватка Марка была железной, но на этот раз в ней не чувствовалось угрозы — только несокрушимая опора, готовая принять на себя любой шторм.

— По рукам, Северов, — твердо ответила она. — Открывай калитку. Время пошло.

Калитка борта открылась с негромким, маслянистым щелчком.

Алина первой ступила на лед, и коньки отозвались сухим, чистым звоном. Ночной лед принципиально отличался от дневного. Без сотен катающихся, без тепла зрительских три-

бун и солнечного света он промерзал насквозь. Холодильные установки высушивали воздух, делая поверхность плотной, жесткой, похожей на полированный гранит. На таком льду лезвие не вязло в стружке — оно резало гладь с микроскопической точностью, требуя безупречного контроля над каждым градусом наклона стопы.

Она сделала два широких шага, проверяя сцепление. Зубец вонзился в монолит с коротким щелчком, высекая мельчайшую ледяную пыль. Превосходно. Настоящий соревновательный лед.

Сзади раздался мощный, резкий скрежет.

Марк выкатился на арену размашисто, агрессивно, набрав скорость за два силовых толчка. Его черные «Бауэры» врезались в лед глубоко и тяжело, оставляя за собой широкие, хищные борозды. Он описал полукруг вдоль синей линии, резко затормозил боком, подняв в воздух целый веер мерцающих ледяных брызг, и повернулся к ней:

— Ну что, тренер? С чего начнем реанимацию моего катания?

Алина неторопливо заскользила вокруг него по плавной, безупречной окружности. Руки расслаблены, плечи опущены, движение казалось совершенно невесомым — лезвия ее белых ботинок едва касались глади, но скорость не падала ни на секунду.

— Начнем с твоей главной трагедии, Северов. Покажи мне вход в левый вираж спиной вперед. На полной скорости,

как ты входишь в зону соперника при контратаке.

Марк молча кивнул. Он сдал назад на три метра, присел в классическую низкую хоккейную стойку и сорвался с места.

Его стартовый разгон был впечатляющим: колоссальная мощь четырехглавых мышц бедра выстреливала девяносто килограммов массы вперед с динамикой тяжелого спорткара. Он набрал соревновательную скорость за четыре шага, пересек красную линию, резко развернулся на ход назад и заложил корпус в левый вираж.

На третьем метре дуги физика дала сбой.

Раздался противный, вибрирующий скрежет. Левый конек Марка сорвался с ребра на плоскость лезвия. Стопа повернулась внутрь, корпус качнуло вперед, центробежная сила сожрала больше половины набранного импульса. Чтобы не впечататься спиной в заградительный борт, Марк вынужден был выбросить свободную правую ногу наружу и опереться ладонью в перчатку о пластик.

Он затормозил, тяжело и шумно выдыхая клуб белого пара, и раздраженно ударил черенком клюшки по льду:

— Видела?! Опять. Голеностоп проваливается, стакан конька чиркает по льду, и лезвие просто сносит с траектории. Скаут прав: на таком вираже любой быстрый защитник объедет меня, как стояночный конус.

— Потому что ты едешь как бульдозер, Северов, — спокойно, без тени насмешки произнесла Алина, плавно притормаживая в паре метров от него.

Марк вскинул голову, прищурившись:

— Бульдозер отлично продавливают чужую оборону на пя-
таке.

— Бульдозер эффективен по прямой, когда надо снести чужого защитника в борт, — парировала Алина. — Но абсолютно бесполезен, когда площадка сжимается, а тебе нужно сменить направление движения за долю секунды на одном квадратном метре. Ты совершаешь типичную ошибку всех хоккеистов-самоучек с избытком мышечной массы: ты пытаешься повернуть тело за счет рывка плеч и силы бедра. А дугу нужно вести лезвием. Смотри сюда.

Она развернулась спиной, мягко опустилась на левую ногу и пошла по пологой дуге назад-влево.

Движение выглядело завораживающе легким. Ее конек вошел в лед под острым углом, вычерчивая абсолютно чистый, звенящий полукруг. Никакого скрежета. Ни малейшей вибрации. Только тонкое, мелодичное шипение рассекаемого монолита.

— Внутреннее ребро, — комментировала она, двигаясь по кругу. — Центр тяжести должен находиться строго над пяткой опорного конька. Колено согнуто под девяносто градусов. Плечи параллельны льду. А таз... таз зафиксирован и раскрыт наружу, а не зажат, как у тебя. Теперь попробуй ты. Не на скорости. На шаге.

Марк встал на исходную точку. Попытался повторить траекторию на медленном ходу, но его мощное, привыкшее к

силовому давлению тело упорно сопротивлялось непривычной геометрии. Плечи снова дернулись вперед, левая стопа завалилась внутрь, и лезвие опять предательски заскрежета-ло плоскостью.

— Стой, — Алина покачала головой и подъехала к нему вплотную. — Хватит насиловать сталь. Ты закрепощен в пояснице. Сними перчатки.

Марк удивленно вскинул брови:

— Зачем?

— Сними перчатки, Северов. В них ты не чувствуешь тонкую моторику.

Он помедлил секунду, затем стянул тяжелые краги и небрежно бросил их на поручень борта.

Алина сократила дистанцию между ними до минимума.

В полумраке ночной арены расстояние в двадцать сантиметров казалось обжигающе коротким. Она ощущала жар, исходивший от его разгоряченного тела, слышала его тяжелое, размеренное дыхание. Запах морозного воздуха смешивался с ароматом кедра, чистого хлопкового трикотажа и темной мужской силы. Марк возвышался над ней неприступной скалой, и под его прямым, немигающим взглядом серых глаз у Алины на мгновение перехватило дыхание.

Она справилась с секундной заминкой, напомнив себе: это чистая биомеханика.

— Позволишь? — негромко спросила она, указав глазами на его корпус.

В спорте физический контакт был привычной рутиной: толчки, захваты, спортивный массаж. Но сейчас в пустом зале между ними повисла пауза, требовавшая совершенно иного уровня доверия.

Марк посмотрел на ее тонкие пальцы в шерстяных перчатках, затем в ее темные глаза:

— Давай. Ломай меня полностью.

Алина протянула руки и положила ладони ему на талию, прямо поверх пояса тренировочных брюк.

Под ее пальцами перекатались тугие, жесткие, как корабельные канаты, косые мышцы пресса. Марк невольно подобрался, его дыхание на долю секунды замерло.

— Выдохни, Марк, — шепнула она. Ее голос прозвучал неожиданно мягко, и он снова вздрогнул от того, как легко она произнесла его имя. — Опуститаз ниже. Еще. Вот так. Чувствуешь, как вес уходит из плеч в крестец?

Она мягко, но с уверенным усилием нажала ладонью на его левое бедро, поворачивая сустав:

— Колено идет наружу, а не внутрь. Стопа должна стоять на ребре свободно, без излома в суставе. Держи эту точку.

Ее вторая рука скользнула по его спине вверх. Пальцы легли на широкую лопатку через ткань худи, ощущая мощный рельеф спины и жар разогретых мышц.

— А теперь поверни плечи вправо. Медленно. Только плечевой пояс. Таз держи на месте.

Марк подчинился. Его лицо оказалось в считанных сан-

тиметрах от ее лица. В тусклом янтарном свете дежурных ламп Алина отчетливо видела каждую пору на его коже, темную тень короткой щетины на челюсти и расширенные, потемневшие зрачки, в которых плясало опасное, концентрированное пламя.

Они стояли посреди ледяной пустыни, соединенные этим прикосновением. Его широкая грудь поднималась и опускалась в такт ее собственному дыханию. Под ее ладонью на его спине мощно, размеренно и гулко стучало сердце — сто ударов в минуту, не меньше.

— Ты слишком много думаешь на льду, птичка, — хрипло, почти шепотом произнес Марк. Его взгляд скользнул по ее ресницам, опустился к губам и снова вернулся к глазам.

Алина сглотнула подступивший к горлу ком, чувствуя, как по позвоночнику пробегает колющий электрический разряд.

Она медленно, с усилием убрала руки с его тела, сделав шаг назад на коньках и возвращая привычную дистанцию безопасности:

— Я думаю за двоих, капитан. Зафиксируй это положение мышцами. Таз внизу, плечи развернуты, стопа на внутреннем ребре. Пошел на дугу. Сейчас же.

Марк тряхнул головой, сбрасывая наваждение, глубоко вдохнул морозный воздух и оттолкнулся лезвием.

Он набрал средний ход, развернулся спиной и вошел в левый вираж.

На этот раз звука срыва не последовало.

Черный углепластиковый ботинок лег под правильным углом к поверхности. Лезвие глубоко, уверенно вгрызлось во внутреннее ребро, разрезая монолит без малейшей пробуксовки. Марк описал чистейшую, идеальную серповидную дугу радиусом в пять метров, вышел на прямую на одном коньке и резко затормозил, выбросив в сторону каскад снежных искр.

Он замер, глядя на ровный, блестящий след на льду за своей спиной, а затем вскинул голову. На его лице сияло такое искреннее, мальчишеское, победное изумление, что Алина невольно улыбнулась:

— Видала?! Держит! Не сорвало!

— А ты сомневался, — она подъехала к нему, заложив легкий циркуль. — Ты просто перестал бороться со своим весом. Лезвие само везет тебя, если ты не мешаешь ему корпусом.

Марк тяжело дышал, уперев руки в бока. Он посмотрел на нее снизу вверх — с новым, глубоким уважением, в котором больше не было места снисходительности:

— Твоя взяла, Воронова. Ты чертов гений геометрии.

В этот момент на настенном табло над судьейской ложей вспыхнула смена минут: **00:50**.

Ровно пятьдесят минут их первого блока истекли секунда в секунду.

Марк выпрямился во весь рост. Ленивая, дерзкая полу-

улыбка мгновенно вернулась на его губы, а в серых глазах снова заплясали опасные искорки. Он подъехал к скамейке запасных, подхватил объемный баул с защитой и с глухим стуком бросил его на бортик перед Алиной:

— Твое время вышло, тренер. Пятьдесят минут истекли.

Алина настороженно посмотрела на сумку, чувствуя, как внутри снова шевельнулся знакомый страх:

— Северов...

— Никаких «Северов», — Марк расстегнул молнию баула, доставая массивные белые щитки и шорты с толстыми пенными вставками. Он наклонился к ней через борт, заглядывая прямо в глаза: — Договор дороже денег, птичка. Снимай свой красивый свитер, надевай броню. Сейчас мы пойдем учить твою голову главному правилу выживания.

Глава 5. Физика падения

Широкая деревянная скамейка запасных в полумраке арены напоминала анатомический стол в полевом госпитале.

Марк распахнул молнию своего бездонного баула из армированного нейлона и с глухим, тяжелым стуком вывалил на доски содержимое. На полированную древесину со звоном пружек посыпалась амуниция: пара массивных белых наколенников из поликарбоната с двойными шарнирными чашечками, жесткие локтевые щитки с литыми пластиковыми чашками и широкие тренировочные шорты-панцирь из черного капрона с пятисантиметровыми пенными демпферами на бедрах, крестце и вертлужных впадинах. От снаряжения пахло свежей пеной высокой плотности, синтетикой и сухим холодом.

Алина медленно перевела взгляд с этой груды ударопрочного пластика на Северова. В ее темных глазах застыло выражение глубочайшего, искреннего ужаса — словно ей предложили надеть на себя чугунный водолазный скафандр образца девятнадцатого века.

— Ты издеваешься надо мной, Северов? — ее голос эхом метнулся под своды арены, вернувшись тихим звоном. — Я одиночница. У меня соревновательный вес — сорок семь килограммов. Если я нацеплю на себя этот бронепоезд, я не то что конек от поверхности оторвать не смогу — я с этой ска-

мейки не встану.

— Встанешь и побежишь, как миленькая, — невозмутимо отозвался Марк.

Он опустился перед скамейкой на одно колено, расправляя широкие эластичные ремни на липучках. Его движения были быстрыми, экономными, отточенными до автоматизма сотнями предматчевых сборов.

— Это юниорский комплект Матвея двухлетней давности. Высокомолекулярный полиэтилен, термоформованная пена тройной плотности. Весит вся эта радость от силы килограмма полтора. Матвей в тринадцать лет в этих щитках на скорости тридцать километров в час влетал в борт, отскакивал, как резиновый мяч, и бежал дальше забивать голы. Ни единого синяка на надкостнице.

— У Матвея центр тяжести в полуметре от пола и нет травмы связочного аппарата, — Алина отступила на полшага назад, лезвия коньков нервно царапнули резиновый настил. — Мы не катаемся в броне. Вся биомеханика фигуриста строится на микрометрическом контроле веса. Если я добавлю полтора килограмма на суставы, у меня сместится ось инерции, и я сломаю вторую ногу при первой же попытке разворота.

Марк поднял голову. В полумраке его лицо казалось высеченным из серого гранита:

— А мы не собираемся прыгать тройные, Воронова. Мы вообще прыгать не собираемся. Наша сегодняшняя задача

— научить твой спинной мозг простейшей истине: лед гладкий, и встреча с ним не означает поездку в травматологию ЦИТО. Надевай шорты поверх леггинсов. Сама, или мне помочь?

Алина вспыхнула, глядя на его широкие плечи:

— Сама справлюсь!

Она сердито выдохнула облачко пара, расстегнула боковые липучки на тяжелых черных шортах и натянула их поверх своих тонких тренировочных леггинсов. Защита села неожиданно плотно, жестко обхватив поясницу и бедра толстыми упругими щитками. Вес действительно почти не ощущался, но ощущение собственного тела изменилось кардинально: привычная балетная невесомость исчезла, уступив место монолитной, танковой приземистости.

— Садись, — Марк указал взглядом на край скамейки, беря в руки наколенники.

Алина опустилась на дерево. Марк придвинулся вплотную, опустившись перед ней на оба колена.

В хоккее экипировка была рутиной, но когда его широкие, теплые ладони легли на ее правую ногу чуть выше коленной чашечки, расправляя неопределенный чулок щитка, воздух в ее легких снова застрял. Пальцы Марка действовали уверенно, пальпируя сустав сквозь ткань леггинсов, проверяя, чтобы пластиковая чашка легла строго по центру коленной кости.

— Здесь болит при надавливании? — негромко спросил он, с усилием затягивая нижний эластичный ремень под ик-

рой. Липучка затрещала с сухим, хищным звуком.

— Нет, — тихо ответила Алина. Ее взгляд невольно зафиксировал короткую темную прядь, упавшую ему на лоб, и ровный, глубокий шрам над верхней губой. — Там титановый винт. Он глубже, на границе суставной сумки.

— Значит, чашка примет удар на внешний контур, — Марк перешел к верхнему фиксатору на бедре.

Его пальцы на секунду задержались на ее коже сквозь плотный трикотаж, проверяя натяжение ремня. Прикосновение было деловым, но тепло его рук прожигало ткань сильнее любого разогревающего компресса.

— Теперь левая. Давай ногу.

Через три минуты Алина была упакована в полный комплект защитного снаряжения: колени закрывали массивные белые щитки, на локтях сидели анатомические налокотники, бедра и копчик защищал плотный капроновый каркас.

Она встала на лезвия коньков, сделала шаг к темному застекленному окну радиорубки и окинула свое отражение придиричивым взглядом.

— Кошмар, — констатировала она, поморщившись. — Я похожа на штурмовой спецназ в балетной пачке. Если Громова увидит меня в таком виде, у нее случится апоплексический удар прямо на трибуне.

Марк встал рядом, поправляя капюшон своего худи. На его губах снова заиграла та самая теплая, скупая улыбка:

— Громовой здесь нет. Здесь только ты, я и шестьдесят

метров льда. Пошли.

Они выкатились в центр площадки.

Алине потребовалось около двух кругов, чтобы адаптироваться к новым габаритам. Из-за толстых накладок на бедрах ноги приходилось ставить чуть шире обычного, но жесткие пластиковые наколенники давали странное, незнакомое ощущение абсолютной несокрушимости суставов.

Марк плавно заскользил перед ней спиной вперед, легко перебирая коньками. На нем не было защиты — только его привычные черные брюки и тонкая кофта.

— Слушай сюда, птичка, — он заговорил спокойно, размеренно, словно читал лекцию по биомеханике. — Фигурное катание и хоккей выросли на одном льду, но исповедуют диаметрально противоположные религии. Вас учат абсолютной вертикали. С раннего детства вколачивают рефлекс: спина прямая, ось натянута, лопатки сведены, падать нельзя ни в коем случае, падение — это катастрофа и несмыаемый позор. Поэтому, когда у тебя в воздухе срывается вращение, твое тело до последнего борется за приземление на одну ногу. Даже когда законы физики кричат, что угол атаки сорван.

Он остановился, разведя руки в стороны:

— Что происходит в этот момент? Твой конек втыкается в монолит под изломанным углом в сорок градусов. Скорость — сорок километров в час. Вся колоссальная кинетическая энергия твоего веса не рассеивается — она мгновенно уходит в один-единственный узел. В твой правый голеностоп. И

сустав рвется, как перетянутая гитарная струна.

Алину передернуло от этого описания. Каждое его слово с пугающей точностью воспроизводило механику ее прошлогодней катастрофы.

— А что делает хоккеист? — Марк сделал короткий разгон, разогнался до приличного хода и прямо на глазах у опешившей Алины поджал колени.

Он не стал тормозить коньками. Он просто сложился в мягкую, плавную группировку и рухнул на правый бок.

Раздался глухой, мягкий толчок пластика о лед. Никакого хруста. Никакого визга сорванного лезвия.

Широкие чашки наколенника и плотная пена шорт приняли на себя первичный импульс, а затем сработала инерция: Марк заскользил по гладкой поверхности на боку, плавно рассекая ледяную гладь, пролетел добрых десять метров и легко, кошачьим движением вскочил на ноги с одного толчка перчатки о лед.

На его одежде даже не осталось глубоких следов — только тонкий слой белой пудры.

— Видела? — Марк подъехал к ней, отряхивая бедро. — Лед скользкий, Воронова. В этом его проклятие, но в этом же и его спасение. Коэффициент трения стали и пластика по замерзшей воде стремится к нулю. Если ты не упираешься в лед костями, если ты не пытаешься остановить падение жестким суставом — вся разрушительная сила удара просто превращается в поступательное движение. Ты скользишь, пока

не погаснет скорость. Падение — это не авария. Это просто альтернативный способ скольжения.

Алина смотрела на него во все глаза. Простая, элементарная мысль, которую ей никогда в жизни не объясняли хореографы, сейчас казалась откровением.

— И ты хочешь, чтобы я сделала это сама? — сдавленно спросила она.

— Именно. Упражнение номер один, — Марк указал клюшкой на дальнюю синюю линию. — Разгоняешься по прямой. Никаких прыжков, никаких дуг. Набираешь средний соревновательный ход. На синей линии полностью выключаешь ноги, подбираешь руки к груди, валишься на правый бок и скользишь до круга вбрасывания.

— Северов, это невозможно, — Алина замотала головой. Внутри все сжалось в ледяной комок. — Это против всех моих рефлексов. Мой мозг не позволит мне упасть добровольно на скорости!

— Позволит, — Марк подъехал вплотную. Его лицо оказалось в десятке сантиметров от ее лица, и в его взгляде вспыхнула та самая непоколебимая, стальная уверенность, которая заставляла целую команду верить в победу за минуту до сирены. — Ты в броне. Пена толщиной в ладонь. Кость закрыта литым пластиком. Тебе не будет больно, Алина. Я даю тебе слово. Доверься мне.

Слово «доверься» повисло между ними в морозном воздухе.

Алина глубоко вздохнула, чувствуя, как под компрессионным лонгсливом бешено колотится сердце. Стиснула зубы так, что заболели скулы.

— Ладно. Но если я сломаю шею — я буду преследовать тебя в виде призрака на всех твоих выездных матчах.

— Договорились, — Марк усмехнулся, отступая к борту. — Разгон, Воронова! Пошла!

Она развернулась к синей линии. Сделала три мощных, акцентированных беговых шага вперед. Скорость мгновенно взлетела. Ветер засвистел в ушах, рванув пряди волос из пучка. Впереди стремительно приближалась широкая синяя полоса подо льдом.

«*Падай!*» — приказала она себе.

Но за метр до линии древний, животный инстинкт самосохранения выбил рубильник.

Тело взбунтовалось: спина мгновенно одеревенела, мышцы шеи натянулись стальными тросами, а правая нога судорожно, предательски выпрямилась вперед, пытаясь поймать вертикальный баланс. Лезвие со скрежетом полоснуло по льду плашмя. Центр тяжести сорвался назад, коньки вылетели из-под туловища, и Алина с чудовищным ускорением полетела затылком в сторону бетонного основания борта.

Мир опрокинулся.

Белый потолок арены с металлическими балками ферм и темными трубами вентиляции крутанулся перед глазами Алины в бешеном штопоре. Воздух со свистом вылетел из

легких. В падении назад на соревновательной скорости у фигуриста нет времени на спасение: гравитация складывает тело пополам, а затылок неотвратно летит в бетонное основание или пластиковый отбойник борта. Время растянулось, превратившись в вязкую, холодную смолу.

Она успела лишь зажмуриться, ожидая сокрушительного удара.

Но удара о лед не последовало.

В воздухе раздался яростный, глухой скрежет лезвий, резающих лед поперек движения. Широкая черная тень выросла из ниоткуда.

Марк Северов двигался с нечеловеческой, инстинктивной реакцией форварда, привыкшего перехватывать рикошеты на долях секунды. Он сорвался с места в то же мгновение, когда лезвие Алины соскочило с дуги. Набрав ход за два взрывных толчка, он перехватил ее траекторию у самой синей линии, в полуметре ото льда.

Его сильная рука в плотной перчатке железным кольцом захлестнула Алину поперек груди, подхватив под мышки и сорвав опаснейшее вращение затылком назад.

Инерция ее сорока семи килограммов была огромной, но Марк не стал упираться жестко. Он развернул свой корпус боком, принял ее вес на себя, сбросил скорость в длинное силовое торможение на обоих коньках и увлек девушку за собой в контролируемое боковое скольжение.

Они проехали в плотной сцепке добрых пять метров, под-

нимая густую стену ледяной крошки, пока не замерли у противоположного борта.

Тишина малой арены снова сомкнулась над ними, нарушаемая лишь их тяжелым, рваным дыханием.

Алина висела на его руке, судорожно вцепившись пальцами в толстую ткань его худи на плече. Ее трясло крупной, мелкой дрожью. Затылок был цел. Спина цела. Но сердце колотилось в горле так, будто готово было выломать ребра.

Марк тяжело дышал прямо ей в макушку. Его вторая рука легла ей на спину, надежно прижимая к себе, не позволяя соскользнуть на лед. Он не разжал хватку, пока не убедился, что ее ноги стоят на лезвиях.

— Ты с ума сошла, Воронова? — его голос прозвучал непривычно глухо, в нем звенела настоящая, неприкрытая ярость пополам с испугом. — Я что тебе сказал?! Выключить ноги! Поджать колени! А ты что сделала?! Выбросила ходули вперед, заблокировала суставы и полетела затылком! Ты жить надоело, что ли?!

Алина судорожно втянула морозный воздух, чувствуя, как от его крика внутри все сжимается:

— Я не смогла... — прошептала она, и голос сорвался на предательский сип. — Тело само... Оно заклинило!

Марк медленно, через силу выдохнул горячий клуб пара. Его челюсть была сжата так, что на скулах вздулись желваки. Он посмотрел на нее сверху вниз — на ее смертельно бледное лицо, на расширенные, полные паники темные зрачки,

на побелевшие от напряжения пальцы, все еще судорожно комкавшие его кофту.

Ярость в его серых глазах медленно угасла. Осталась лишь бесконечная, тяжелая собранность.

— Ладно, — тихо произнес он, ослабляя хватку, но продолжая придерживать ее за локоть. — Моя ошибка. Я потребовал от тебя слишком многого на первом заходе. Твои глаза видят приближение льда и посылают в мышцы сигнал паники. Значит, мы уберем зрительный контроль.

Алина непонимающе моргнула, смахивая испарину со лба:

— Что значит — уберем?

— Закрой глаза, Алина.

— Северов, ты спятил? Ехать на скорости с закрытыми глазами?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.